

Неделя. - 1992. - июнь (№ 22) - с. 8-9.

это воспринималось естественным и нормальным!

С раннего детства, лет с шести, сам вел хозяйство, ходил в магазин, продавец меня хорошо знал. И когда в сорочку пятую году случилась беда, мама заболела, надолго попала в больницу и я остался один, то, чтобы заработать денег, чтобы прожить, я ходил в обеденный перерыв по магазинам и пел песни, а мне давали осколки печенья, конфетки. Я шел на рынок, продавал все это, покупал батон хлеба и отсылал маме в больницу. Люди были ко мне очень добродушными. Незнакомые. Из родственников же — одна была продавщица, спекулировала — не помог никто. С этими людьми я потом никогда не поддерживал дружбы...

Несмотря на все это, у меня от детства навсегда осталось ощущение радости. Помню новогодние вечера — мой любимый праздник! Мама начинала на кухне заводить тесто на пышки и пирожки и давала мне на пробу маленький кусочек сырого теста. Это был самый вкусный миг! До сих пор этот вкус, этот запах вспоминаю, люблю. А потом мама надевала черное строгое платье с белым воротником и красила губы...

весело знакомится со всеми, быстро и весело разговаривает, весело пьет штрафную. Он весь вечер рассказывает веселые истории, все подхватывается со смехом, он ухаживает сразу за всеми дамами и, когда смотрит видики, очень смешно комментирует происходящее на экране. Вечером то набирает обороты, то затихает, отсылает из соседней комнаты гитарным перебором, потрескиванием свечки, тихой песней. В один из таких «антрактов», начиная прощаться, он говорит смущенно, скороговоркой: «Нет, нет, здесь так тепло и прекрасно, но надо идти, надо работать...» Последние слова звучат, как пароль для хозяйки дома, она открывает дверь: знает, уговаривать бесполезно...

ЗАКОНЧИВ школу, я хотел поступать сначала в музыкальное училище, потом в военное, потом в индустриальное — меня нигде не принимали как сына врага народа. Вообще мечтал-то я быть артистом, причем опереточным. Потому что в Иванове был театр оперетты, мы с ребятами часто ходили туда. Писательский талант, лепнина с золотом — роскошь, сказка! Так казалось нам после наших коммуналских. Короче, единственное, куда меня приняли, — в химико-технологический техникум. Дело в

ражал Лолите Торрес, придумывала слова ее песни на «португальском» языке или на каком, не знаю, выходил на сцену и пел их. Был первым танцором, все вечера открывал вальсом, бостоном, фокстротом — все depended было мной. Сумасшедший был парень с четырнадцати до восемнадцати лет!

Я закончил учебное блестяще, на одном дыхании. Мне казалось, что я наполнен фантастическими возможностями, потрясающими впечатлениями от природы, которую я рисовал, рисовал, рисовал... Бесконечно много — все, что окружало меня, что было рядом, живое. И тогда, и до сих пор с рисунком из меня уходит все плохое, я остаюсь со всеми огорчениями, обидами. Только рисую, я забывал, что сын врага народа...

Вообще все плохое из моей жизни я или совсем не помню, или помню очень смутно. Хорошее почему-то помню, а вот плохое — нет. Поразительно, замечательно... Это чудесное свойство моя память обрела после автомобильной аварии. У меня было тяжелое сотрясение мозга с потерей зрения, девять дней в реанимации. После этого я навсегда понял, что, раз

Маришкой и маленьким Егором...

А на фабрике провели собрание, коллектив мой поступок «единодушно осудил». Меня понизили в должности, перевели на работу в цех, вменили в обязанность реализацию неликвидов. Я и там работал с остревением... А «чуждые органы» еще писали обо мне — «Лайф», «Штерн». Я стал интересен для КГБ — слежка, вызовы... Да и на фабрике бесконечные собрания, обсуждения. Я ушел оттуда ровно через три года, как только отработал дипломный срок...

Пожалуй, именно необычная страсть к работе и сформировала меня как человека. Иногда я читаю книгу, или смотрю фильм, или сижу где-то в компании, пусть даже с хорошими, приятными мне людьми, — и ничего не могу с собой поделать! — думаю: Боже, сколько же за это время можно было бы нарисовать!

ТРИУМФАЛЬНЫЙ БЕГ НА МЕСТЕ

Мы договорились заранее по телефону, что он их примет. Нескольких журналистов из французского журнала. Они хотели бы написать про русскую моду, про Славу, которого во Франции зовут «красным Диором», — так они объясняли цель визита.

1963 год. Фото из журнала «Пари-матч». Сколько было простора для творчества в этой двенадцатиметровой комнате в коммуналке! Вместе с нами жили другие люди, но мы не мешали друг другу творить.

Мария Ивановна Зайцева. О ней слова, которые он повторяет всю жизнь: «Я благодарю Бога, что у меня была такая мама».

1967 год. Фото Михаила Фриделя из немецкого журнала «Хаус дер Моде». Зайцеву 29... Еще ничего не было, но уже вмиг цыганка... Уме знаменитый Диор еще ничего не знает о модельере, который становится его тезкой, красавцем Диором... Все впереди... В том числе и самые экстравагантные модели.

1992 год. Работа, работа, работа.

1969 год. Фотошутка или же та самая доля истины, что заключена в каждой шутке?

Фото В. АХЛОМОВА, В. ПЛОТНИКОВА и из архива В. ЗАЙЦЕВА.

изначально не вписывалась в программу партийной жизни и деятельности. Ведь мода — это прежде всего человеческая индивидуальность, которая никогда не поощрялась Советской властью.

Я сейчас нахожусь в жутчайшем состоянии ненависти к строю, к коммунистам, ко всему, что мы пережили из-за них и что имеем в данный момент. Меня пугает, что те люди, которые могли бы возродить к жизни большое общество, не смогут в конце концов это сделать. Я говорю об ушедшей Вере. В России, когда нет в человеке духовности, пустота заменяется зверством. Вокруг так много дерма, олигофренизма, односторонности в желаниях, особенно в новом поколении, которое в этом не виновато, — мы, наше общество, та же Система их такими сделала. Все это преодолеть без духовности, Веры? Не представляю, как... Мы начали сейчас к ним стремиться, но мне кажется, делаем это опять же неправильно. У меня складывается ощущение, что духовности и Вера у нас какие-то разрешенные, что ли. Партия взяла и разрешила церковь. И все обрвалось и повалило в нее валом. А, наверное, не надо так уж этого радоваться. И «разрешение на Вери» не должно было исходить от партии, вообще ни от кого... Люди САМИ должны прийти к ней.

Я не хожу в церковь, не верю официальным священникам. Они какие-то очень святые, очень довольные. Может быть, они — по крайней мере, те, с кем я сталкивался, — очень высокообразованные люди, но я не ощутил в них того, что искал, — духовности. Почти у каждого глаз делового человека, с хитринкой, хваткой хорошая... Дай Бог, если оживеет. Вера внутри, я с ней живу. Настоящая Вера — она возмущена. Когда в семидесятый восьмой году умирала мама, ее последние слова были о том, чтобы я принял Вери. Дома окрестили Егорку и меня. Произошло какое-то очищение, пошел свет. Прости, не могу повторить...

ГДЕ СВЕЛТО И КРАСИВО

...За окном какая-то хмарь, а здесь, у Славы в салоне, светло и красиво. Народу немного, будний день. Все рассматривают модели, и лишь одна — толстая тетя в меховой шапке, бесформенной вязаной кофте и пуховом платке на плечах — отвалилась на примерку. По всему видно, мерлет пальто просто так, покупать не собирается, а потому громко смеется, чуть кривляется перед зеркалом. Слава, как обычно, выхрен появляется в салоне — легкий, модный, улыбочный. Увидев тетку, бросается к ней, смеется с нее пальто, подает дружески, помогает надеть и, застегивая на ней замывляющий воротник, приговаривает: «Вот так, вот так. Как я этот воротник рисовал? Забыл... А, вспомнил! Красота...» Он берет тетку за плечи, поворачивает ее к зеркалу, и она, уже не кривляясь, покраснев с неприязнью, что за ней вот так ухаживают, смущенно глядит на свое отражение. И — на него, который, кажется, рад ее преображению больше, чем она.

Я стою сбоку, у зеркала, смотрю на волшебное превращение толстой тетки и мечтаю. О том, как однажды после показа моделей, светлым летним вечером все зрители выйдут на проспект Мира. Не будет хмурых, озлобленных, сутулых, плохо одетых женщин и мужчин со злобыми, ищущими дефицит взглядами. На длинном асфальтовом подиуме проспекта будет прожигаться полною — худых и полных, молодой и пожилой, с хорошей осанкой и привлекательными лицами, одетых достойно и со вкусом.

Однажды, когда у нас все будет в порядке. Ранним летним вечером. Часов эдак в шесть... После разрухи.

В шесть часов вечера после разрухи...

Я знаю его давно. Сначала знала, как все, с экрана телевизора, с глянца красивой журнальной обложки. Потом наблюдала его в разных ролях: на репетиции, когда самозабвенно танцевал, показывая девочкам очередной проход; в роли строгого директора, делающего по утрам сотрудникам разное; опустошенного, буквально выжатого после показа, с цветками, в плаще с поднятым воротником, устало выходящего на мокрый от осеннего дождя черный асфальтовый подиум проспекта Мира — в ночь, в разруху... И годами длились наши долгие с ним разговоры, как в поезде: успеть рассказать до следующей станции и — сойти, и — жить дальше... Потом он признается мне, что давно не вынимал из себя этих воспоминаний — все спрашивали его о моде и никто — о нем самом... Как мозаика, собирались крупицы наших бесед о личном. О его личном. Он — это Вячеслав Зайцев.

СУМАСШЕДШИЙ ПАРЕНЬ. КРАШЕННЫЕ ВАЛЕНКИ

...Мы сидим за столом в одном старом доме, в центре Москвы, и весело мужиканье голосов летит где-то под высоким, с лепниной, потолком. Обычное застольное оживление, хозяйки юбилей, круглая дата. Все за столом — журналисты, хоть и из разных редакций. Законом в дверь. Слава влетает, как вихрь. Быстро и

том, что умел я хорошо вышивать. Научился этому делу у соседских девочек, мечтал даже дома иметь вышитые подушечки. А для вышивки надо было делать рисунки — я хорошо рисовал, вот меня и приняли. Технику для меня — это что-то светлое, радостное. Я учился запоем, а кроме этого — рисовал газеты, устраивал вечера, какие-то концерты, под

мне вернули жизнь, я должен сделать очень много. Однажды у меня была неожиданная встреча. В Венгрии снимался фильм «Держись за облака», я делал к нему костюмы. В перерыве между съемками мы вышли из павильона на площадку. К нам подошла цыганка. Она сказала, что после пятидесяти лет у меня начнется какой-то необычный взлет, что обо мне заговорит весь мир, что у меня будет много денег и в то же время карманы останутся пустыми, потому что я буду все отдавать. Я поверил ей, но не сделал из этого предсказания культа, фетиша, не ждал этих пятидесяти лет, просто жил, просто работал.

Мне сейчас пятьдесят три. Я работаю до одури, когда давно знаменит, у меня много денег, и их нет — все сбилось... Ну вот, распределили меня на Бабушкинскую экспериментально-техническую фабрику спецподлежки. Моя работа — задавать спецподлежке для металлургов, строителей, колхозников, сталевазов. Я долго копил и выдал первую свою коллекцию: вместо обрядных теплогреек — стеганые фуфайки, цветные юбки. Обязательные по нормативам валенки я раскрасил, так мне хотелось уйти от серого цвета, от скуки, от этих жутких саркофагов, в которые одеваются люди! Считается, что на работу надо носить что похуже... Я протестовал своей коллекцией! Мне казалось, что она проникнута моей любовью к народным традициям. Но это только так думал... На Всесоюзном методическом совещании художников-модельеров вышел скандал. Театрализация! Деканат! Издевательство над рабочим человеком! В чем только меня не обвинили за мои крашенные валенки. Корреспонденты «Пари-матч» из моего фанатского на совещании сделали сенсацию: «В Москве появились большие художники». После совещания они приехали ко мне домой. Комната в двенадцать метров, коммуналка в полуподвале. Мы тогда жили с женой